

Дни Петербургской философии – 2007: Материалы круглого стола «Философия культуры и культурология: традиции и инновации. СПб.: 2008. – С. 48 – 54.

Борисов О.С.

Информационно-стратегические основания конструирования ценностно-нормативных связей

Современное сознание предстает в рефлексии социокультурной ситуации как **неопределенный** феномен. Я имею в виду то обстоятельство, что носитель сознания, оказавшись оторванным, по преимуществу, от традиции, уже не ищет себя в постоянстве ее ценностей и нормативов, не закрепляется в наборе инспирированной и выверенной временем адаптирующей предметности, но лишь определившись в сегменте подручных связей, **стремится избежать ясности и отчетливости.**

Великие религиозные традиции как раз имели целью регулятивно утвердить обретенную истину в ценностях и нормативах, вписывая сознание в означенный контекст миропонимания и всячески оберегая ее (истину) от вариативности толкования и модернизации ценой невероятных усилий: личного соответствия и, когда это требовалось, коллективного насилия над личностью или насилия личности над коллективом. Эти величайшие требования **силы** к себе и институализированной группе утратили свою энергетически сокрушающую мощь, и индивидуальное сознание обрело неприкаемую свободу постоянно мимикрировать в предметности, нигде не желая обрести покой.

Причины этого процесса вполне объяснимы: они в скоростях перемещений в пространстве и времени того интеллектуала, который понимает, что смысл истины в ее абсолютном отсутствии. Имея перед собой различные картины мира, он вынужден или предпочесть *одну* как Истину или отказаться от истины вообще. Подобную ментальную процедуру давно уже проделало сознание массы.

Результатом подобной внутренней работы сознания оказывается **решение онтического отсутствия в истине**, поскольку, оказываясь в определенной "системе счета", современный интеллектуал выбирает тот категориальный аппарат и те правила игры, которые диктуют ему обстоятельства его «место/пребывания». Это касается географического, геополитического или статуарного пространственно-временного континуума и инкорпорации метафизического отношения к нему социальной среды адаптации.

Сложившаяся система функционирования сознания требует специфического состава психологических функций с приоритетом в сторону наименьшего уровня эмпатии, с одной стороны, или умения быстро переключать сознательные настройки (например, преодолевая инертность, порожд-

денную эмпатией), требуя соответствия процессам и заданиям, связанным с социальной мобильностью, с другой.

«Проблема множественности миров» сегодня выходит на первый план: если она решалась раньше, включая в определенной мере и XX в., уничтожением одного из них в силу жесткости ареала закрепленной истинности, отпавляющейся от традиции как ее критерия, то теперь, по указанным выше причинам, «здравомыслящий интеллеktуал» понимает, что уничтожение одного из миров приводит к уничтожению всей множественности.

Таким образом, доступная множественность актуализируется в индивидуальном сознании по мере продвижения последнего по сегментированным обрывкам великих традиций или экзотическим останкам этнографических оригиналов в поиске нового синтеза, который не только не укладывается в отдельной голове, но и не может получить всеобщего признания **по определению** в силу причин сложного многоуровневого, сложно разветвленного и критически несбалансированного социально-метафизического универсума, критическая масса накопленных когнитивных знаний которого должна привести и приведет к аннулированию некоторых из них как социально не прагматичных здесь и сейчас. Или к обнулению всякого знания вообще, основанного на приоритете интеллектуальной функции сознания.

Если ранее уничтожение одного из миров приводило к доминирующей на мировой арене роли другого, то в обстоятельствах указанной социокультурной ситуации нет необходимости в уничтожении множественности миров как таковых, прибегая к грозному оружию, насилию и подавлению, поскольку у этой метафизической гидры в том же самом метафизическом растворе вырастают «новые» головы. – Для этого достаточно **купировать связи одного порядка, чтобы актуализировать связи другого порядка**, используя нетрадиционный регулятивный механизм.

Исходная посылка этого метода такова: все и ничто – одно и то же; уничтожаемое и уничтожающее меняются местами и в стратегической перспективе, обретая новую предметность, возвращают прежнюю сущность. Мир, как и всегда, оказывается с нулевой суммой. Миром, как и всегда, движет не заданный результат необходимых изменений, а сам процесс изменения, заложенный в глубине мирового коловращения, остановить который не могут какие либо означенные ценностно-нормативные основания, поскольку сами подвержены изменению, поэтому требуется интеллектуальная микрохирургия, внедряющаяся в глубинные процессы на имплицитном уровне. А значит, необходим четко заданный результат необходимых изменений. Не инфантильно апокалипсический на выходе, не даже инертно кармически-реинкарнационный уход, не тем более бинарно-взаимообратимый «небесный мандат», а сверхчеловеческий жест оставленных без присмотра Бога человека и автора. Вне Бога, или жестко детерминирующих законов Природы,

Человек и Автор приобретают другие функции: пока еще не провозглашенная смерть человека, как он был создан сначала Богом, а потом Автором, **требует от человека пустоты**. Это принципиально другая онтология человека. Это иной тип человека, который наполняется связями, смыслами, отношениями и нормами **ситуативно**, и по мере продвижения в институализированных формах бытия меняет свои одежды согласно институализированным требованиям. Мера смены для индивидуального сознания имеет свой градиент. Этот реально сверхчеловеческий тип, благодаря собственному сверхчеловеческому психологическому усилию, каждый раз должен совершать выход из со-бытийной институализированной ситуации тогда, когда она исчерпывается для него – экзистенциально умирает, и в тот момент, когда складывается иная ситуация отношений, призванная заполнить его доведенную до предела пустоту новыми институализированными связями, в которых реализуется экзистенциальное возрождение.

Кто будет проделывать столь сложную метафизическую операционную процедуру для определенных сегментов пространственно-временного континуума, поскольку под хирургический нож попадают не ценности и нормы, бывшие объектом идеологического воздействия и уничтожения в XX в., а **связи между ними**, т.е. «ценности» и «нормы» должны свободно циркулировать в социумe, а управление осуществляется конструированием связей между ними «здесь и сейчас», и *как*, если указанное задание *понимается* «здравомыслящим интеллектуалом»?

Чтобы ответить на этот вопрос необходимо объяснить, каким образом ценностно-нормативные основания трансформируются, благодаря изменению внутренних связей между ними, и каким образом осуществляется вмешательство в структуру этих связей.

Прежде всего, понимание «здравомыслящего интеллектуала» оставляет его без одежд. Он более чем другой ориентирован на метафизическую пустоту и более чем другой обречен. Человек-масса всегда чем-то наполнен: архаическим или статуарным. «Здравомыслящий интеллектуал»-оставленный-без-одежд вынужден чем-то себя наполнить. И эта лакуна требующей заполнения пустоты позволяет быть вне контекста и контента на тот неопределенно продолжительный момент времени пока пустота не наполнилась. Человек вне контекста – это психологическая ситуация со-бытийного сценария жизни вне времени и пространства, который создает пространство и время посредством актуализации нужных связей. Т.о., ситуация, вызревая в человеке, формирует социокультурную ситуацию вне его будучи его прямым следствием. Но пока социокультурная ситуация не оформилась, указанная лакуна-принужденная-наполниться является психологическим островком безопасности, в котором перенастраивается инструментарий сознания и перереформируются ближайшие связи. Самоубийственный сценарий, принужденный нейтрализовать процесс «символического обмена», в действитель-

ности переформатирует символические ряды, уже не требуя для этого самоуничтожения, поскольку оказывается достаточным психологическое самоисключение, в котором возможна определенность и пролонгация нужных связей. Самоисключительный сценарий событийного ничто – это онтологический залог современной креативности переформатирования, благодаря которому возникающие квазигруппы получают мандат на самовыживание, а «здравомыслящие интеллектуалы», имеющие ресурсы, – мандат на институализированное перепрограммирование информационных потоков согласно творческому заданию. Наличие психологической лакуны – это первое требование, необходимое для успешного информационно-стратегического моделирования. Человек, находящийся вне контекста не только адекватно оценивает ситуацию, но и самим фактом самоисключения из контекста подготавливает (размягчает) и стягивает (организовывает) ситуацию в русло требуемой задачи. Для этого человеку-вне-контекста не требуется насилия над ситуацией – она сама дается в руки, благодаря внутреннему усилию над собой. На самом деле подобная психологическая установка есть результат открытий великих религиозных традиций в их мистической части, но они всегда останавливались на полпути, не переступая черты, за которой царствует божественный предел. В своей же институализированной части религиозные традиции ничем не отличались от любых других институтов и эту черту прагматично переступали, предавая требуемому действию сакральный характер, скрывающий произвол. Современная социокультурная ситуация вскрыла когнитивные знания другого уровня: используя свернутый опыт религиозно-мистических традиций, носитель сознания *переступает* дозволенную черту. Но эта разверстка не прямого действия. И переступание черты носит информационный характер. Впрочем, даже насилие, которое локальным образом может быть произведено, само по себе не имеет цели, оно не является даже инструментом цели, поскольку становится звеном в сложной цепи, а точнее информационным градиентом, который **меняет смысл** ситуации. Созданный информационный повод становится проблемой, с которой предстоит работать. Невербальным образом вскрытая проблема создает даже впечатление, что она создана на пустом месте, но в заданном символическом ряду, нацеленном на реализацию стратегической задачи, полученный смысл измененной ситуации является подлинным смыслом здесь и сейчас. Тогда единственно главной целью этого действия становится **зритель**, для которого и моделируется определенный смысл. Т.е. действительным объектом воздействия является не конкретно-реальный объект воздействия, а сторонний наблюдатель, который вынужденно оказывается прямым участником событий, о которых он даже не предполагал, и который вынужденно должен занять определенную позицию по отношению к тому, что разворачивается на его глазах, поскольку уже не может ее не принять как со-участник. Т.о. вовлекаются в совместный процесс мирового участия те атомизированные ин-

дивидуальные сознания, которые при других обстоятельствах никогда не были бы вовлечены. Эти огромные объемы «"сознательной" массы» становятся подлинными фигуративами социального действия, не индивидуумы, а группируемые по определенным критериям ценностно-нормативных установок «"сознательные" фигуративы», между которыми можно устанавливать необходимые в тех или иных обстоятельствах определенные связи в неопределенной среде. Сознательные единицы группируются в институализированные коллективные формы, которые, становясь субъектами социального действия, не застрахованы от распада на сознательные единицы за счет возможного самоисключения из контекста хотя бы одной из них. Подобное самоисключение есть открытие инновационного процесса, который переформатирует прежнюю структуру отношений. Инициация самоисключения может исходить извне, тогда сознательная единица оказывается перед фактом переформатирования, которое будет организовано посредством понимания «здравомыслящим интеллектуалом» фактуры принципиально иной ситуативной среды. Само понимание становится отправной точкой новой организации, само понимание окажется психопространственным полем предметности, и самоинициация самоисключения его форматирует. Практически, уже биомасса поддается селектированию на генетическом уровне, схожий процесс претерпевает «"сознательная" масса» на виртуальном. Это только одна из возможных моделей, не требующих самоуничтожения или уничтожения ради процесса созидания. Она требует только одного: конструировать или реконструировать систему, исходя из «эмбрионального» контура начала развертывания сознательного процесса, который имплицитно настроен и подготовлен к тому, чтобы его эксплицировать.

Данное изложение, как могло бы показаться, имеет негативный аспект. Отнюдь. В конце концов, какая разница, кто нами управляет, Бог или Автор, которые давно умерли, или... Нами управляют те, которыми управляем мы. Это плавающий оксиморон, в котором все мы, в меру своих возможностей, лишь в состоянии расставлять акценты.